ванной на уверенности в способности человека адекватно познавать мир. Отказавшись от "глобализма", мы отдаем себя на милость других культур, менее отягощенных комплексом собственной неполноценности.

Против использования термина "цивилизация" по отношению к историко-культурным областям вообще и к известным со времен Мейсона, Кребера и Уисслера культурным ареалам Северной Америки есть и более частное возражение. Подобные области – это описательные, а не аналитические единицы. Они были выделены этнологами для систематизации огромного фактического материала и в этом своем качестве остаются необходимыми инструментами в работе. Однако культурные ареалы никогда не осознавались самими индейцами и эскимосами, границы таких областей размыты, порою чисто условны. Атапасков чилкотин относят к региону Субарктики, но их с тем же успехом можно отнести к региону Плато, тем более, что до чилкотин на той же территории жили сэлиши. Кэддо числятся по Юго-Востоку, но их можно отнести и к Равнинам, где в период европейских контактов жили их близкие родственники – вичита. Крайне неопределенны культурные границы во всей притихоокеанской зоне от Ванкувера и дальше на юг. Уже по одной этой причине основная концепция книги ошибочна. Автор даже не пыталась обосновать свой исходный постулат и уж тем более не пыталась проверить на конкретных case studies, насколько идея культурных ареалов (о "цивилизациях" я уж не говорю) адекватна этнографическому и археологическому материалу. Книга Окладниковой – что угодно, но только не исследование, если понимать под исследованием выявление реальных связей и закономерностей, существующих в мире.

В книгоиздательстве не должно быть цензуры, если не считать крайних случаев, связанных с пропагандой насилия и т.п. Каждый пишет и печатает в меру своих способностей и возможностей. Рецензируемая книга – вовсе не самое худшее из того, что можно найти на прилавках и она имеет полное право на существование. Хочется только напомнить, что наука – лишь одна из форм интеллектуальной деятельности, есть много других. Поэтому ненаучные публикации не должны появляться под грифом академических учреждений. Ведь для науки опасна не конкуренция с философией, мистикой, теологией или публицистикой, а растворение в этих жанрах.

© ЭО, 2005 г., № 4

А.А. Бурыкин. Рец. на: ***Е.А. Окладникова. Традиционные культуры Северной Америки как цивилизационный феномен.*** СПб.: МАЭ РАН; Корона Принт, 2004. 544 с.

Новая книга Е.А. Окладниковой представляет собой учебное пособие по культуре народов Северной и Центральной Америки, обеспечивающее и поддерживающее вузовские курсы по культурной антропологии и этнокультурологии. Само по себе обращение автора к материалам по истории и культуре коренных жителей севера Америки с целью подготовки пособий по фундаментальным общеобразовательным и специальным курсам, которые читаются в различных вузах России для этнографов и историков, социологов, культурологов, педагогов следует всемерно приветствовать, как не следует забывать о том, что после выхода в свет первого тома "Народы Америки" (М., 1959), ставшего частью многотомного издания "Народы мира", мы не располагали обобщающими трудами в этой области.

Ясно и то, что, если такое учебное пособие готовит автор, внесший весомый самостоятельный вклад в изучение культуры североамериканских индейцев и хорошо владеющий истори

Алексей Алексеевич Бурыкин – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (С.-Петербург).

ческой, археологической и этнографической литературой по предмету, то его труд неизбежно будет носить на себе отпечаток оригинальной монографии. Так и получилось: концепция учебного пособия, разработанная Е.А. Окладниковой, соотносится с концепцией монографического научного описания генетически и исторически близких культур и культурных объединений, которые были созданы жителями Северной и Центральной Америки, потомками выходцев с Азиатского континента.

Автор рассматривает эти объединения как особые формы социокультурных общностей (с. 33), социокультурные миры (с. 34), а чаще называет цивилизациями – возможно, для определения объекта такого исследования более подошел бы термин "малые цивилизации". Основная интересующая автора тема – это взаимосвязи и взаимодействие природы и общества, роль природных и климатических факторов в развитии тех или иных социокультурных общностей аборигенов Америки. Данная задача, реализованная в книге последовательно и с надлежащей полнотой, придает ей подлинную монографичность.

Книга открывается предисловием, написанным одним из коллег автора, известным этнологом-американистом Г.Г. Ершовой. Это предисловие, устанавливающее для читателя переходные мосты между предметом книги и современной европейской культурой и показывающее взаимосвязь природы и культуры в этнической и культурной истории коренных жителей Северной и Центральной Америки.

Гл. 1 – "История открытия и изучения Северной Америки" – содержит краткие сведения об истории открытия Америки, истории изучения культуры североамериканских индейцев, а также о частных проблемах исторической этнографии – таких, как направления миграций или становление интегрирующих концепций развития культуры народов Америки и соответствующих научных дисциплин, предметом которых является всестороннее изучение этнических культур в их становлении и историческом развитии. В этой главе, как и в других главах книги, особую ценность имеет изложение трудов американских исследователей, мало знакомых не только студентам вузов, но и многим коллегам автора книги. Восемь последующих глав книги посвящены историко-этнографической характеристике отдельных цивилизаций (в авторском понимании этого термина), созданных эскимосами, алеутами и отдельными группами североамериканских индейцев.

Гл. 2 – "Арктическая цивилизация гарпуна" – посвящена культуре эскимосов и алеутов. Гл. 3 – "Цивилизация лука лесных охотников Субарктики" – представляет читателю культуру индейцев-атапасков. Гл. 4 – "Цивилизация тотемных столбов" – повествует об индейцах Тихоокеанского побережья Северной Америки, принадлежащих к языковым семьям на-дене, пенути и моса. В гл. 5 – "Цивилизации красной рыбы, корзинщиков и птицепоклонников" – автор рассказывает об индейских племенах Калифорнии, Большого Бассейна (территории от Орегона до Аризоны и от гор Сьерра-Невады до Юты) и Плато (горы Северо-Западного Побережья Америки). Гл. 6 – "Цивилизация Великого Юго-Запада" – посвящена культуре индейцев Аризоны, Нью-Мексико, Юты, Невады и Колорадо. В гл. 7 – "Цивилизация охотников на бизонов" – дается общая картина культуры индейцев Великих Равнин. Гл. 8 – "Цивилизация строителей курганов" – имеет своим предметом культуру индейцев района Великих Озер, территории современных штатов Висконсин и Миннесота, бассейна рек Огайо и Миссисипи. Гл. 9 – "Цивилизации Мезоамерики" – дает характеристику сменяющих друг друга культур индейских племен Центральной Америки в их исторической перспективе.

"Заключение" представляет обобщение изложения в виде характеристики культурных ценностей населения региона, распределенных на три группы – витальные, соционормативные и сакральные ценности.

Приложениями к книге являются список рекомендуемой литературы, программа курса "Культура коренного населения Северной Америки и Мезоамерики", куда входят темы курса, основное содержание практических занятий, рекомендуемая литература и вопросы для аттестации.

Каждая из названных выше глав содержит сведения об археологических памятниках, предшествующих развитию описываемой социокультурной общности, характеристику основных

занятий, описание социальной организации, духовной культуры, религиозных воззрений. Особое внимание автор уделяет роли природно-климатических факторов в генезисе и эволюции хозяйства и культуры этносов. Несмотря на лаконизм в освещении некоторых вопросов, рассматриваемая книга весьма информативна. В частности, она предоставляет в распоряжение этнографов-сибиреведов большой объем фактического материала, который может быть использован для продолжения сравнительных исследований культур народов Азии и Северной Америки, и нет особых сомнений в том, что автор, будучи не только американистом, но и сибиреведом, специально фиксировал свое внимание и внимание читателей на данном материале.

Наблюдения в этой области могут быть продолжены. Так, Е.А. Окладникова отмечает, что покрой одежды индейцев-атапасков сохраняет зооморфные черты (с. 104). В связи с этим хотелось бы указать, что в Сибири зооморфные признаки характерны для шаманского костюма, и своеобразная "профанизация" элементов шаманской одежды, переходящих в повседневную одежду, наблюдается и в Азии и в Америке. Отметим, что узор из антропоморфных фигурок на тунгусских женских нагрудниках, не имеющий собственной семантики и не являющийся признаком шаманской атрибутики, по существу тождественен изображениям горных духов – дочерей Ульгеня на тувинских шаманских нагрудниках, а узор на тунгусской обуви – торбасах имеет черты птичьей лапы, что весьма сходно с орнитоморфными признаками шаманской одежды у ряда народов Сибири.

Для чукотской шаманской одежды была характерна та самая ровдужная бахрома, которая стала в наши дни средством стилизованного изображения костюмов североамериканских индейцев и которая реально присутствует в традиционных индейских костюмах. Автор отмечает геронтофобию у атапасков (с. 121) – напрашивается сравнение с аналогичными представлениями, бытовавшими у монгольских народов, в частности у бурят, у которых желаемой продолжительностью жизни был период не более 80 лет. Обычай выносить умершего из жилища через отверстие в стене, отмечаемый у индейцев навахо и микмак (с. 294 и 404), также имеет параллели в Сибири – у ненцев, монгольских народов и у азиатских эскимосов.

Выбор названий глав связан с выделением отдельных культурообразующих предметов, или культурных доминант, имеющих особую значимость как для становления и развития той или иной культуры, так и для ее дифференцирующей характеристики. В области культурной антропологии такой прием характеристики социокультурных общностей, как представляется, следует признать оправданным.

Вместе с тем нельзя не заметить, что в изложенную автором классификацию социокультурных общностей закладываются принципиально разные характеризующие признаки – орудия промысла, объекты промысла, техники изготовления артефактов, культовые сооружения, и, наконец, географические наименования территорий. Не совсем удачно и то, что культурообразующие объекты не являются эксклюзивной принадлежностью той или иной социокультурной общности: например, сам автор пишет о том, что гарпуны используют для промысла рыбы на Тихоокеанском побережье (с. 137), т.е. на значительном удалении от "цивилизации гарпуна", а вопрос о том, можно ли приравнивать к гарпунам "бобровые стрелки" алеутов (с. 91), выглядит весьма спорным.

В отношении методологии различных наук о человеке и культуре и разграничения предметов исследования разных дисциплин нельзя обойти вниманием то, что в границах культурной антропологии весь археологический, антропологический и историко-культурный материал подается в более систематизированном виде, но оказывается существенно обедненным по сравнению с классической традиционной этнографией. Правда, здесь следует делать поправки на то, что почти все дескриптивные работы по культуре американских индейцев, на которые опирается автор, выдержаны в иной научной традиции, нежели та, к которой привык отечественный читатель (это действительно культурная антропология американского типа, родившаяся на почве изучения североамериканских индейцев).

Что касается "этнокультурологии", то как бы ни расшифровывать данное наименование – "этнологическая культурология" или "этническая культурология", трудно отрешиться от

мысли, что за данным наименованием неизбежно скрывается не что иное, как некая "урезанная" этнография, поскольку синтез культурологии как преимущественно теоретической дисциплины и этнографии как описательной дисциплины едва ли плодотворен, а этнология и культурология имеют разные объекты исследования. При серьезном обсуждении предмета культурологии ни "этнокультурология", ни какой-либо иной синтез этнографии или этнологии с культурологией не имеет места (*Формирование* 2001).

Вообще то, что в учебных планах некоторых вузов называется *этнокультурологией* (а такие вузы, как, например, Российский государственный педуниверситет им. А.И. Герцена, имеют и специальные кафедры *этнокультурологии*), было бы более правомерным называть этнопедокультурологией, поскольку лекции по данному предмету имеют сугубо педагогическую ориентацию, а соответствующие курсы, которые должны были бы быть связаны с этносами Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России, до сих пор не разработаны – вот почему рецензент не имеет возможности сравнивать рассматриваемое пособие Е.А. Окладниковой с какой-либо другой разработкой подобного типа и вынужден признать, что рецензируемая книга по существу не имеет аналогов среди вузовских пособий по гуманитарным предметам, связанным с изучением традиционных этнических культур народов мира.

Хотя книга ориентирована на изложение традиционных культур коренных жителей Америки, в ней должное внимание уделяется ее историческим преобразованиям, определяющим ее судьбу в современности. Автор показывает, что после установления контактов с европейцами у эскимосов изменились критерии лидерства, которое перешло от искусного морского охотника к человеку, способному устанавливать контакты с пришельцами (с. 72) – без сомнения, этот процесс характерен не только для Северной Америки, но и для всего Российского Севера (и, возможно, не только для Севера).

Весьма полезно, что автор остановился на таком эпизоде из жизни индейцев навахо, как их служба в американской армии в годы Второй мировой войны и использование языка навахо в связи с целью препятствовать перехвату и расшифровке сообщений. Ныне такое повествование нередко воспринимается как красивый вымысел, и этому был посвящен один из сюжетов известного сериала "Секретные материалы", но об этом же можно прочесть и в военно-исторической литературе (*Роскилл* 1964). Кстати, в подразделениях связи американской армии служили не только навахо, но и представители других племен.

Сказанное отнюдь не означает, что книга Е.А. Окладниковой не имеет недостатков. Как любой объемный труд, она дает основания для множества замечаний и соображений, которые мы считаем своим долгом высказать в настоящей рецензии.

Если говорить о специальной литературе, использованной автором или рекомендованной пользователям своего труда, то следует помнить, что отечественная историко-этнографическая americaniana не слишком велика в количественном отношении, и любой намеренный или неумышленный пропуск в ней не может не остаться без внимания. В список литературы к гл. 1 можно было включить книгу Р. Уокопа "Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен" (М., 1966) – она ценна для обсуждаемого предмета тем, что прекрасно демонстрирует "донаучность" исторических поисков и языковых сравнений.

Историко-географическая проблематика, связанная с изучением Северо-Западного побережья Америки, неотъемлема от двух сюжетов, которые остались в книге без освещения. Первый – это история "пролива Аниан", разделяющего Азиатский и Американский континенты и показываемого на европейских картах со второй половины XVI в. до первой четверти XVIII в. Вероятнее всего, название этого пролива, безусловно, легендарного для XVI в., восходит к русскому слову "АКИАНЪ" ("Океан"), которое могло быть почерпнуто из русских документальных или картографических источников (*Бурыкин* 2000: 42–44). Кроме того, почти никогда не отмечается, что на многих европейских картах XVI–XVII вв. название "Anian regnum" относилось к Аляске. Второй сюжет – это увлекательная история поисков Северо-Западного прохода, и здесь в библиографии хотелось бы видеть содержательную книгу американского историка географии Р. Рамсея (*Рамсей* 1982).

Для объяснения того, что именно может скрываться за названием "Аниан", весьма любопытны две карты – изданная в 1576 г. Хемфри Гилбертом, основателем английской колонии на Ньюфаундленде, и близкая к ней по времени карта Мартина Фробишера, первооткрывателя Баффиновой земли. На карте М. Фробишера пролив Аниан отделяет Американский континент от Азии, причем к северо-западу от него показаны пять островов. Число островов, заметим, очень близко к действительному количеству островов в бассейне Чукотского моря – если считать острова Колючин, Врангеля, и три острова Диомида (*Магидович* 1957: 347, 357). Тем не менее некоторые рассказы о географическом положении Американской Арктики в ее северо-западной части, мало известные в отечественной научной литературе, но уже расцененные как фантастические, представляют интерес, во-первых, в отношении своих источников, во-вторых, в отношении содержащихся в них любопытных подробностей, которые далеко не всегда выглядят как вымысел.

Сообщения о том, что Северо-Западный проход в 1579 г. был открыт возле Ньюфаундленда на широте около 59 градусов, в 1568 г. – со стороны Тихого океана на широте около 27 градусов, в 1592 г. – также со стороны Тихоокеанского побережья, но на широте 47 градусов (*Рамсей* 1982: 124—126), можно назвать вымышленными лишь отчасти. Первая из названных точек на самом деле соответствует крайней восточной точке Северо-Западного прохода, вторая – Калифорнийскому заливу, который из-за его значительной протяженности к северу вполне можно было принять за пролив, третья точка соответствует проливу, отделяющему от материка о-в Ванкувер.

Таким образом, все эти сообщения, в конечном счете связываемые с реальными объектами, очень напоминают ситуацию с ранними сведениями о Магеллановом проливе: в том самом месте, где его изображали некоторые источники, находится устье р. Ла-Платы (*Цвейг* 1980: 65–72, 134–138). Из считающихся легендарными рассказов о Северо-Западном проходе привлекает особое внимание сообщение о том, что в 1588 г. испанец Лоренсо Феррер Мальдонадо проплыл через Северо-Западный проход из Испании к берегам Америки и тем же путем вернулся обратно. В его описании Северо-Западный проход представляет собой последовательный ряд извилистых каналов, которые тянутся до 75 градуса северной широты.

Подобное описание соответствует картине реально существующего Северо-Западного прохода и даже его истинному географическому положению, но историки географии тем не менее считают это случайным совпадением (*Рамсей* 1982: 134–135). Однако, если принять во внимание, что в XVI в. климат Арктики был более теплым, чем в последующие века (на что обратили внимание этнографы, занимавшиеся хозяйством чукчей и азиатских эскимосов) (*Арутюнов и др.* 1982), и учесть возможность единичных плаваний, совершаемых в особо благоприятные годы, открытие Северо-Западного прохода в XVI в. вовсе не выглядит невероятным, тем более, что приоритет российских открытий на Северо-Востоке Азии в этом случае не пострадает: С.И. Дежнев был первым, кто в 1648 г. обогнул Азиатский континент с севера, но он не видел берегов Аляски и, следовательно, не мог знать того, что прошел через Берингов пролив.

Не указана в библиографии к обсуждаемому труду и популярная книга Теда Бенка II "Колыбель ветров" (М., 1960), рассказывающая об алеутах. Почему-то автор ничего не пишет о шаманской практике алеутов, о которой рассказывали Г.А. Сарычев, Ф.П. Литке и др. В работе никак не аргументируется предлагаемое изменение датировок археологических находок у с. Филимошки и на Улалинке – автор датирует эти находки временем 15—20 тыс. лет назад (с. 86), в то время как ранее исследователи приписывали им куда более значительный возраст, а позднее эти памятники и связанные с ними объекты просто выпали из круга изучаемых археологических комплексов. Не очень понятно, почему в изложении автора пещерные захоронения у алеутов связаны с культом предков (с. 102) – погребальные пещеры алеутов были запретны для посещения и соответственно не могли быть культовыми объектами.

В изложении социальной организации тлинкитов Е.А. Окладникова дает характеристики таких единиц социальной структуры, как куан, фратрия, клан, линидж, но ничего не говорит о том, была ли у тлинкитов экзогамия. Не совсем ясно и то, каким образом могли регулиро

ваться брачные связи при наличии трех фратрий у тлинкитов и некоторых других народов. Весьма спорной выглядит трактовка традиционных знаний о мироздании – о делении Вселенной на три мира – как эзотерических знаний (с. 154): как представляется, они входили в элементарный минимум представлений о мире. С трудом верится в то, что щиты из кожи бизона, которые применялись индейцами кроу и дакота, могли защищать от пуль (с. 362) – возможно, так было в XVI–XVII вв., когда такие щиты было способны выстоять против мушкетных и аркебузных пуль, но едва ли это справедливо по отношению к нарезному огнестрельному оружию более поздних образцов. Когда автор говорит о бытовании у индейцев виннебаго игры с мячом, похожей на хоккей на траве (с. 406), уместнее было бы указывать не на мезоамериканские параллели, где в игре в мяч специальные инструменты не применялись, а обратить внимание на то, что в Сибири бытовала командная игра в мяч с использованием особых палок, в действительности весьма похожая на хоккей (*Бельды* 1989; *Бурыкин* 2003: 102–116).

Существенным недостатком книги, на наш взгляд, является отсутствие в ней строгой этнической классификации или полной лингвистической классификации языков североамериканских индейцев, которая дополнила бы классификации археологических культур, присутствующие в каждой из глав. Возможно, для "культурных антропологов", стремящихся к обобщениям цивилизационного порядка, не так уж важен этнический состав территории и строгая этническая отнесенность того или иного явления, однако среди читателей книги будут и специалисты по этнической истории народов Америки, и лингвисты, для которых точность и полнота состава этносов и языков исключительно важны.

Высокая частота употребления отдельных этнонимов побуждает поставить вопрос о том, в каких грамматических формах возможно употреблять те или иные этнонимы – например, является ли этноним "ассинибойн" склоняемым или же несклоняемым; такие вопросы могут быть заданы в применении ко многим названиям народов. Другая проблема – проблема орфографической передачи этнонимов средствами русского языка: так, автор постоянно пользуется написанием "тсимшиан", воспроизводящим английское написание, в то время как в русской лингвистической литературе давно принято написание "цимшиан". Вероятно, этнографам и лингвистам стоит всерьез задуматься над задачей составления специального нормативного словаря названий народов мира, в котором были бы зафиксированы не только единообразные русские названия народов, но и способы их однозначной передачи при переводе с основных языков, используемых в этнографической науке и культурной антропологии.

Следует признать, что неточности в передаче этнонимов, возникающие при переводе специальной литературы на русский язык или при реферативном изложении материала иноязычных научных трудов, создают затруднения при чтении и искажают представления об этническом составе населения тех или иных территорий. Без сомнения, к издательским недоразумениям следует отнести то, что название штата Нью-Мексико (с. 261 и почти во всех случаях в гл. 6) передается как "Новая Мексика". Трудно понять, в какой же период имела место засуха на юго-западе США, повлиявшая на развитие культур местных племен – в 800–1350 гг. н. э. (с. 219), около 800 г. до н. э. (с. 267), или же речь идет о двух разных временных периодах. К сожалению, в книге довольно много опечаток, которые было бы желательно устранить при возможных последующих переизданиях.

Сделанные замечания хотя и несколько снижают общее положительное впечатление от рецензируемой книги, тем не менее не умаляют ее достоинств как оригинального научного исследования и как учебного пособия. Новая работа Е.А. Окладниковой будет интересна и полезна для культурологов, историков и этнографов-американистов, археологов, занимающихся культурами Сибири, Северной и Центральной Америки, а также для тех, кто специализируется на изучении истории и этнографии народов Сибири. Было бы весьма желательно видеть данную книгу выпущенной в свет вторым изданием, поскольку нынешний тираж ее составляет всего 300 экз., что явно не отвечает статусу вузовского учебного пособия. В заключение хотелось бы поблагодарить Российский фонд фундаментальных исследований, при финансовой поддержке которого автор выполнил рецензируемую работу.

Литература

Арутюнов и др. 1982 – *Арутюнов С.А., Крупник И.И., Членов М.А.* Китовая аллея. Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

Бельды 1989 – *Бельды В.Ч.* Нанайские игры. Хабаровск, 1989.

Бурыкин 2000 – *Бурыкин А.А.* О названии Берингова пролива в картографии XVI–XVIII веков (*Аниан* или *Акианъ*?) // Матер. XXIX межвузов. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов СПбГУ. 13–18 марта 2000 г., С.-Петербург. Вып. 6. Секция истории русского языка. Язык и ментальность. Секция классической филологии. СПб., 2000.

Бурыкин 2003 – *Бурыкин А.А.* Традиционные игрушки, игры и развлечения эвенов и других народов Северо-Востока Азии (предварительные наблюдения) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 13. СПб., 2003.

Магидович 1957 – *Магидович И.П.* Очерки по истории географических открытий. М., 1957.

Рамсей 1982 – *Рамсей Р.* Открытия, которых никогда не было. 2-е изд. М., 1982.

Роскилл 1964 – *Роскилл С.* Флот и война / Пер. с англ. М., 1964.

Формирование 2001 – Формирование дисциплинарного пространства культурологии. СПб., 2001.

Цвейг 1980 – *Цвейг С.* Подвиг Магеллана. М., 1980.

© ЭО, 2005 г., № 4

Э.Г. Александренков. Рец. на: ***C. Menjivar. Fragmented ties: Salvadorian immigrant networks in America.*** Berkeley: University of California Press, 2000. 301 p.

Массовые миграции населения – одна из реалий современного мира. Выяснение их причин и определение последствий привлекают внимание политиков и исследователей. На эти темы есть масса литературы и устоявшихся объяснений. Рецензируемая книга уточняет некоторые из них и опровергает другие. Как известно, огромное число иммигрантов из разных стран мира находятся в Соединенных Штатах Америки, и значительную их часть составляют латиноамериканцы. В отечественной литературе из латиноамериканских иммигрантских групп в США, пожалуй, более других известны пуэрториканцы и кубинцы. Рецензируемая книга – о сальвадорской иммиграции. Поэтому, хотя и изданная пять лет назад, она будет интересна российским читателям, так как познакомит их с миграцией граждан одной из стран Центральной Америки. В книге представлены конкретные причины исхода населения из Сальвадора и проанализированы механизмы адаптации сальвадорцев в США, имеющие свои особенности.

Автор, Сесилия Менхивар, родилась в Сальвадоре, давно живет в США, преподает социологию в одном из университетов Аризоны. Книга основана на изучении сальвадорцев в Сан-Франциско в конце 1980-х и в первой половине 1990-х годов. Ее цель – понять действие неформальных социальных связей среди сальвадорских иммигрантов и установить причины их нестабильности. Основное понятие данной работы – "социальные сети" (social networks). С. Менхивар определяет их как ткань из семьи, друзей, соседей и т.д., что может предоставить регулярную материальную, финансовую, информационную и эмоциональную помощь (p. 2).

Община сальвадорцев в США особенно выросла за время гражданской войны в Сальвадоре – с 94 447 в 1980 г. до 565 081 в 1990 г. В 1997 г. в США, по официальным оценкам, проживало около 607 тыс. сальвадорцев; независимые эксперты давали на полмиллиона больше

Эдуард Григорьевич Александренков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.